

Глава 3. Л. Н. Андреев в полемике вокруг рассказа «Бездна»

DOI 10.15826/B978-5-7996-3277-9.20

Когда Леонид Николаевич Андреев после публикации рассказа «Бездна» писал М. Горькому восхищенные слова о первом восприятии текста и литературной критикой, и читателями: «А насчет “Бездны” – хорошо-то оно хорошо... Читают врасос, номер из рук в руки передают, но ругают!! Ах, как ругают. В печати пока еще молчат, но из прилагаемой вырезки (“Русские ведомости” – Игнатов) видно, какова будет речь»¹, он уже чувствовал, что реакция на рассказ будет бурной, как и произошло. Но в том же письме он утверждал и о следующем намерении, связанном с «Бездной»: «И я думал было так: пустить “Бездну” во второй книжке вместе с “Антибездной”, которую я хочу написать в целях всестороннего и беспристрастного освещения подлецки-благородной человеческой природы»². Значит, он уже в этот момент сознавал, что и сюжет, и – главным образом – его кульминация представляют собой только одну из возможностей изображения действий литературных персонажей, вовсе не единственную и сюжетно, и аксиологически. Подходя к вдохновленному молодым тогда еще психоанализом вопросу о человеческой природе, основанной на инстинктах и эмоциях, он знал, что внутренние побуждения могут быть очень различными, что они вряд ли подвластны воле индивида, что выбор между «плюсом» и «минусом» вряд ли (полностью) рационален и сознателен.

Неудивительной оказалась непосредственная реакция М. Горького на данное письмо Андреева, в которой Горький, по сути, вторит ему: «За “Бездну” ругают, ба! А ты напиши рассказ, в котором торжествовала бы добродетель, и чтобы так хорошо торжество ее на мещанского читателя подействовало – как, например, пощечина и рвотное действует. Пусть и добродетель

¹ Андреев – Горькому. Письмо от 19-ого февраля 1902 г. // Лит. наследство. Т. 72 : Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С. 137.

² Там же. С. 138.

торжествует, надо быть справедливым! Но – друг! – будь злым, будь мрачным, но – не будь пессимистом! Пессимизм – философия обьевшихся, обожравшихся»³. Значит, он поощряет начинающего писателя Андреева посмотреть на человека как на существо, преодолевающее темное в своей природе и отдающее превосходство светлomu, положительному, оптимистическому.

Андреев, однако, так и не выполнил ни своего обещания, ни желания Горького: «Антибездны» не написал, после «Бездны» затекста в качестве другого – оптимистичного – произведения не последовало. Как оказалось в дальнейшем, оптимизм как-то не входил в «жизненную программу» Андреева, скорее наоборот. Ведь в самом начале 1903 г., точнее 1 января в 5 часов ночи, будучи уже известным писателем, он в своем дневнике пометил: «Слава у меня. Слава!.. Меня нет. Меня нет. Где я? Я не могу быть самим. Где я? <...> Я напишу новые хорошие (?) рассказы – и все-таки меня нет. Нет одиночества души. Или оно есть. Страшная глубина»⁴. Сознание «глубины души» и отчаяния из взгляда в нее как будто пронизывало не только его восприятие самого себя, но и всего человеческого существования, определяя мироощущение писателя. Тенденция части критических отзывов о рассказе отрицать возможность такого, как в «Бездне», взгляда на гипотетически существующие импульсы, скрытые в самых сокровенных пластах души, волновала Андреева, подмывая его реагировать.

Андреев довольно долго искал форму подходящего отклика, т. е. того, что можно считать «текстом, последующим за текстом», или же «затекстом». И такой затекст, своеобразная «реакция на реакцию», все же появился. Им оказались даже два основных текста – отклик в «Курьере» еще в январе 1902 г. и «Письмо в редакцию» Немовецкого в марте 1903 г., явившиеся ответом Андреева на бурную дискуссию, которая последовала после печати «Бездны» и в которой многое было высказано по поводу выраженной в рассказе мнимой безнравственности, гнусности, подлой инстинктивности, звериного начала в человеке и т. п. Все это свидетельствовало о неподготовленности значительной части публики

³ Там же. С. 140.

⁴ Андреев Л. Н. Дневник 1897–1901. М., 2009. С. 218.

к принятию рассказа в качестве теоретически возможной модели одного из вариантов поведения человека в экстренной ситуации, которая сама по себе уже была шокирующей, а также о пока преобладающем представлении о «приличном» и «неприличном» содержании текста в русской художественной литературе.

Уже первая реакция Андреева в «Курьере» (ответ подписан псевдонимом Джемс Линч) оказалась интересной. Он как будто косвенно отвечает самому М. Горькому, хотя и не называет его: «Можно быть идеалистом, верить в человека и конечное торжество добра – и с полным отрицанием относиться к тому современному двуногому существу без перьев, которое овладело только внешними формами культуры, а по существу в значительной доле своих инстинктов и побуждений осталось животным»⁵. Самым существенным в данном высказывании можно считать фразу «современному двуногому существу», которая по значению противопоставлена вводной фразе «Можно быть идеалистом, верить в человека и конечное торжество добра...». Андреев тут явно противопоставляет человека отдаленного будущего, т. е. развившего свою внутреннюю культуру по направлению к доброму началу и разуму, человека, преодолевающего злые звериные инстинкты или даже избавившегося от них, человеку «современному», находящемуся пока на более низкой степени своего «окультуривания» и не следующему тем положительным внутренним принципам, которые он пока не смог, не сумел, может, и недостаточно хотел развить. Это подтверждают и следующие слова, отсылающие одновременно и к Ницше как к источнику андреевского взгляда на человека, и к дневниковой записи от 1 января: «<...> в наивном самодовольстве культурных людей, в их незнании границ собственного я (а точнее, по ницшеанской терминологии, своего “сам”) – я вижу опасность и препятствия к дальнейшему развитию и очеловечению их незавершенной природы»⁶. Андреев таким образом, по сути, принимает слова Ницше, приводимые им в предисловии к его Ессе Номо:

⁵ Джемс Линч. Москва. Мелочи жизни. // Курьер. 1902. 27 янв. (№ 2). Цит. по: Литературное наследство. Т. 72 : Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. С. 136.

⁶ Там же.

Das Letzte, was *ich* versprechen würde, wäre, die Menschheit zu “verbessern”. Von mir werden keine neuen Götzen aufgerichtet; die alten mögen lernen, was es mit tönernen Beinen auf sich hat. Götzen – mein Wort für “Ideale” – *umwerfen*, das gehört schon eher zu meinem Handwerk. Man hat die Realität in dem Grade um ihren Wert, ihren Sinn, ihre Wahrhaftigkeit gebracht, als man eine ideale Welt *erlog*... Die “wahre Welt” und die “scheinbare Welt” – auf deutsch: die *erlogene* Welt und die Realität... Die *Lüge* des Ideals war bisher der Fluch über der Realität, die Menschheit selbst ist durch sie bis in ihre untersten Instinkte hinein verlogen und falsch geworden bis zur Anbetung der *umgekehrten* Werte, als die sind, mit denen ihr erst das Gedeihen, die Zukunft, das hohe *Recht* auf Zukunft verbürgt wäre⁷.

Вслед за Ницше Андреев не верит лживому, выдуманному и пока не состоявшемуся, только воображаемому миру, чувствует ложь идеала, который высмеивает реальность, – и хочет показать реального человека. Он следует Ницше и в мысли о том, кто может проложить путь к лучшему будущему, только на место сверхчеловека он ставит героя: «Чтобы идти вперед, чаще оглядывайтесь назад, ибо иначе вы забудете, откуда вы вышли и куда нужно вам идти <...> Пусть ваша любовь будет так же чиста, как и ваши речи о ней, перестаньте травить человека и немилосердно травите зверя. Путь впереди намечен людьми-героями. По их следам, орошенным их мученической кровью, их слезами, их потом, должны идти люди – и тогда не страшен будет зверь. Ведь все звери боятся света»⁸. И в этой части высказывания Андреева прослеживается один из аспектов его творчества, вы-

⁷ *Nietzsche F.* Ecce homo. Frankfurt am Main, 1977. S. 36. «Улучшить» человечество – было бы последним, что я мог бы обещать. Я не создаю новых идолов; пусть научатся у древних, во что обходятся глиняные ноги. Мое ремесло, скорее, низвергать идолов – так называю я “идеалы”. В той мере, в какой выдумали мир идеальный, отняли у реальности ее ценность, ее смысл, ее истинность... “Мир истинный” и “мир кажущийся” – по-немецки: мир изолганный и реальность... Ложь идеала была до сих пор проклятием, тяготевшим над реальностью, само человечество, проникаясь этой ложью, извращалось вплоть до глубочайших своих инстинктов, до обоготворения ценностей, обратных тем, которые обеспечивали бы развитие, будущность, высшее право на будущее». – *Ницше Ф.* Ecce Homo, как становятся самим собой. URL: http://lib.ru/NICSHE/ecce_homo.txt (дата обращения: 10.09.2020).

⁸ *Джемс Линч.* Москва. Мелочи жизни. С. 136.

раженный уже в эмблемном по своему значению рассказе «Стена» (1901): известно прошлое, а не будущее; в будущее можно верить, можно стремиться к нему, но «прокаженным», как и инстинктами проникнутому «зверю», туда попасть нельзя. Если учитывать первоначальную идею Андреева о написании «Антибездны» и рекомендацию Горького об оптимистическом сочинении, то данное выступление Андреева можно считать сигналом окончательного отказа от «лживого» оптимизма возможной «Антибездны» и утверждением программной травли зверя в человеке: писатель не только не будет молчать о нем, а наоборот, он обратится к нему, покажет то фальшиво скрываемое «реальное», которое пока препятствует современному человеку преодолеть интуитивное, звериное, аморальное, стать «самим».

Если выступление в «Курьере» в 1902 г. было скорее программным, идейным, то второе «затекстовое» выступление Андреева в том же журнале, появившееся на год с лишним позже, оказалось совсем другим: оно стилизовано под письмо в редакцию, причем в качестве автора письма выступает не кто иной, как сам герой андреевского рассказа – студент Немовецкий. «Письмо в редакцию» долго считалось текстом, автором которого был Андреев, но в 2012 г. Л. Кацис⁹ высказал предположение о том, что автором данного письма, как и последующих за ним трех писем (письмо Зиночки Немовецкой; письмо трех босяков, изнасиловавших ее; и письмо одного из них, некоего Федора, опубликованное в Берлине) был В. Жаботинский, причем он приводит довольно убедительные доказательства, что было действительно так. Тем не менее Л. Кацис утверждает, что Л. Андреев о данной игре знал¹⁰. Нам, однако, кажется, что Андреев или принимал прямое участие в создании первого письма, или, как минимум, был его вдохновителем, так как интенционально его

⁹ По мнению Леонида Фридовича Кациса, авторство Андреева подлежит сомнению. См. *Кацис Л.* «Бездна» Леонида Андреева: Атрибуция пародийных откликов 1903–1929 годов. // *Вопр. лит.* 2012. № 5. С. 356–400. Близость высказанных мыслей и совпадение с творческой манерой и мировоззрением Андреева (см. ниже в тексте), однако, позволяют нам исходить из текста «Письма в редакцию» как из текста или созданного Андреевым как соавтором, или им навеянным.

¹⁰ *Кацис Л.* «Бездна» Леонида Андреева. С. 375; 400.

содержание полностью вписывается в андреевское восприятие творческой деятельности как «обличения пошлого в человеке». Попытаемся это показать при помощи анализа «Письма в редакцию» Немовецкого, с которого мистификация началась.

Мнимый автор письма – герой «Бездны», студент Немовецкий, – подтверждает в письме, что Л. Андреев в рассказе описал не выдуманное им событие, а происшествие, случившееся с ним, студентом Немовецким, и его любимой. Он даже утверждает, что «сначала, действительно, все было, как описывает Леонид Андреев. Если же и было не совсем так, то у Леонида Андреева оно описано с такой яркостью и силой, что я и сам теперь уже не могу себе представить, чтобы это было как-нибудь иначе. Да, все это так и было»¹¹. Фиктивный автор таким способом утверждает реальность, фактичность описанного в рассказе свидания героев. Финал ужасного происшествия в лесу, однако, по версии мнимого Немовецкого, был другим, не таким зверским, как в рассказе описал Л. Андреев:

<...> я поднял ее и помог ей встать. Разорванное платье обнажало ее плечи и грудь, и я старался прикрыть их, насколько возможно. Она, очевидно, еще не вполне пришла в себя и как-то странно озиралась, даже не замечая своего разорванного платья и наготы своих плеч. И вдруг она все вспомнила и поняла... Глаза ее широко раскрылись, из груди ее вырвался стон и, закрывая свою обнаженную грудь трясущимися руками, она с глухим рыданием прильнула ко мне и, точно ища защиты, спрятала свое лицо на моей груди. И вдруг я тоже все понял, понял уже не только умом, не только сознанием, но и всем сердцем, всем своим существом...¹²

Далее в письме Немовецкий передает редактору журнала – а посредством его и читателю – продолжение всей истории, о котором в тексте произведения ничего не сказано. Он утверждает, что то, что приписал ему в конце рассказа Л. Андреев, он не сделал. Наоборот, с ним случилось совсем другое:

¹¹ Письмо в редакцию // Курьер. 1903. 6 марта (№ 8). Цит. по: Комментарии: «Бездна». URL: <http://andreev.org.ru/biblio/Komments/k%20bezdna.html> (дата обращения: 10.09.2020).

¹² Там же.

Я знал, что в этот момент я нужен ей, как никогда, и я хотел приласкать ее, пригреть, успокоить и ободрить, и вместо всего этого я чувствовал, как холод какого-то омерзения широкой волной накатывается на меня и леденит мое сердце. Она сделалась мне физически противной, отвратительной и совершенно чужой. Невольно я сделал движение, чтобы оттолкнуть ее, и, когда при этом рука моя коснулась ее обнаженного плеча, я почувствовал холод ее озябшего тела, и мне вдруг показалось, что это тело не просто холодно, а покрыто какой-то омерзительной холодной слизью. И я оттолкнул ее. С тех пор мы больше не видались¹³.

«Письмо в редакцию» Немовецкого, как будто исправляя натяжку писателя Андреева, содержит совсем другой финал события в лесу. «Письмо» таким образом показывает, что фиктивное происшествие, ставшее темой рассказа, описано в тексте произведения одним способом, но могло в писательской литературной обработке развиваться вариантным образом, и подготовленная, «сконструированная» ситуация, доведенная до пункта поворота, могла бы иметь две или даже несколько равноправных линий развязки, причем одно действие героя могло бы быть заменено другим. В тексте «Бездны» нет никакого открыто выраженного осуждения поведения героя рассказчиком, значит, то, насколько другой финал оказался бы менее отвратительным, пусть решат читатели и критики. Ведь «Письмо в редакцию» Немовецкого вызвано как раз реакцией на осуждение со стороны критиков и публики (отчасти С. А. Толстой), а не изменением замысла писателя.

Андреев не написал «Антибездны», но «Письмо в редакцию» Немовецкого представляет собой не только альтернативный вариант финала «Бездны», в нем содержится и своеобразный эпилог рассказа, отсутствующий в самом рассказе. Фиктивный Немовецкий в своем «Письме» дает и объяснение мотива своего поведения, делая как будто обобщающие выводы, сравнивающие оба варианта окончания истории о насилии над его любимой, переходя к утверждениям, касающимся натуры человека.

Если бы я совершил гнусность, которую он (т. е. Л. Андреев. – *И. Д.*) мне приписал, это был бы редкий и даже исключительный случай. Это было бы какое-то минутное затемнение рассудка

¹³ Письмо в редакцию...

животной страстью и только. То же, что совершилось со мной, именно потому и страшно, что оно не чуждо никому. С большей половиной человеческого рода произошло бы наверное то же. <...> если ваша невеста подвергнется тому же, чему подверглась Зина, разве вы так, без колебаний, женитесь на ней?¹⁴

Обращение к читателю, суровое утверждение, что так поступили бы многие, а не только он, суггерирование читателю того, что такое эгоистическое, одностороннее ощущение отвращения к изнасилованной, униженной женщине как будто оправдано нормой, требующей от женщины «чистоты», прямо заставляет его сравнить оба финала: финал «Андреева» и его же финал – «Немовецкого». При этом сам фиктивный Немовецкий приходит к не менее критическому выводу, чем критики рассказа: «Все мы – звери и даже хуже, чем звери, потому что те, по крайней мере, искренни и просты, а мы вечно хотим и себя и еще кого-то обмануть, что все звериное нам чуждо. Мы хуже, чем звери... мы подлые звери...»¹⁵ Как раз в этом пассаже «Письма» – как и в самом рассказе – поставлен вопрос о рациональном и иррациональном в человеческой природе и в том слое человеческой души, который называют «культурным». Эгоистическая рационализация иррационального, попытки оправдать свои, по сути, иррациональные поступки делом какой-то чести – вот самое плохое в человеческой природе. Тематизация двойственности, сокрытой в человеческой душе, звериного и мнимого культурного, создает напряжение между обоими слоями, которое как раз становится тем, на что намекает Андреев не только в «Бездне», но и в других своих произведениях («Стена», «Мысль», «Красный смех» и др.). Во всем этом Андреев опять проявляет свою связь с Ницше, который не побоялся включить в свое мировоззрение и в свои убеждения провокационные мысли, ставящие под сомнение многое из того, что считалось основным достоянием культурного европейского общества. По этому поводу Ницше утверждает:

Im Grunde sind es zwei Verneinungen, die mein Wort *Immoralist* in sich schließt. Ich verneine einmal einen Typus Mensch, der bisher als

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

der höchste galt die *Guten*, die *Wohlwollenden*, *Wohltätigen*; ich verneine andererseits eine Art Moral, welche als Moral an sich in Geltung und Herrschaft gekommen ist – die *décadence*-Moral, handgreiflicher geredet, die *christliche* Moral. Es wäre erlaubt den zweiten Widerspruch als den entscheidenderen anzusehen, da die Überschätzung der Güte und des Wohllollens, ins Große gerechnet, mir bereits als Folge der *décadence* gilt, als Schwächensymptom, als unverträglich mit einem aufsteigenden und jasagenden Leben...¹⁶

Тем самым Андреев, будучи (доказательств нет и их не находит даже Л. Кацис) соавтором или вдохновителем «Письма в редакцию» Немовецкого, опять высказывает свое убеждение в том, что вряд ли можно опираться на что-либо как на однозначную, незыблемую «правду». Как и Ницше, Андреев не боится «аморального», т. е. он ставит под сомнение все те принципы, которые связаны не только с христианской моралью, но и с идеями усовершенствования человека под влиянием любой идеологии. Он отстаивает право писателя сомневаться в любых устоявшихся или возникающих культурных «нормах» и ставить сложные вопросы, на которые нет однозначного «правильного» ответа. Ведь указанием на двойственность, неоднозначность мнимый Немовецкий заканчивает свое «Письмо»: «Вот все, что я хотел сказать в свое оправдание, а, может быть, и обвинение...»¹⁷ Основное интенциональное направление «Письма в редакцию» Немовецкого настолько тесно связано с интенцией творческого кредо Л. Андреева, с его высказываниями и в «Мелочах жизни», и в его дневнике, что другой человек вряд ли смог бы без его соучастия так точно постичь и выразить их.

¹⁶ *Nietzsche F.* *Esse homo*. S. 129. «В сущности в моем слове “иммoralист” заключаются два отрицания. Я отрицаю, во-первых, тип человека, который до сих пор считался самым высоким, – добрых, доброжелательных, благодетельных; я отрицаю, во-вторых, тот род морали, который, как мораль сама по себе, достиг значения и господства, – мораль *decadence*, говоря осознаннее, христианскую мораль. Можно на второе отрицание смотреть как на более решительное отрицание, ибо слишком высокая оценка доброты и доброжелательства в общем есть для меня уже следствие *decadence*, симптом слабости, несовместимый с восходящей и утверждающей жизнью...» – *Ницше Ф.* *Esse Homo*, как становятся самим собой.

¹⁷ Письмо в редакцию...

Иногда почти провокационно конструируемые сюжеты и ситуации андреевских произведений намекают на единственную исходную точку: человеческая душа в его видении – это поприще, на котором сталкиваются инстинкты и нормы, звериное и человеческое, эгоистическое и альтруистическое, реальность и выстроенный идеологиями идеал, иррациональное и рациональное. Осознавая это, Андреев как писатель не мог отстаивать оптимистическое утверждение идеала, так как полагал это неверным, идеологизированным, дидактичным. «Письмо в редакцию» Немовецкого, как и раннее опубликованное выступление в «Курьере», являются взаимосвязанными текстами, подтверждением писательского кредо Л. Андреева, причем оба затекста позволяют отнести Андреева к последователям и Ницше («переоценка всех ценностей»), и Фрейда (идея психоанализа), и традиций русской литературы – Гоголя, Достоевского, Гаршина, пытавшихся найти в человеческой душе что-то неизъяснимое, таинственное, поддающееся иррациональным импульсам и никак не однозначное.